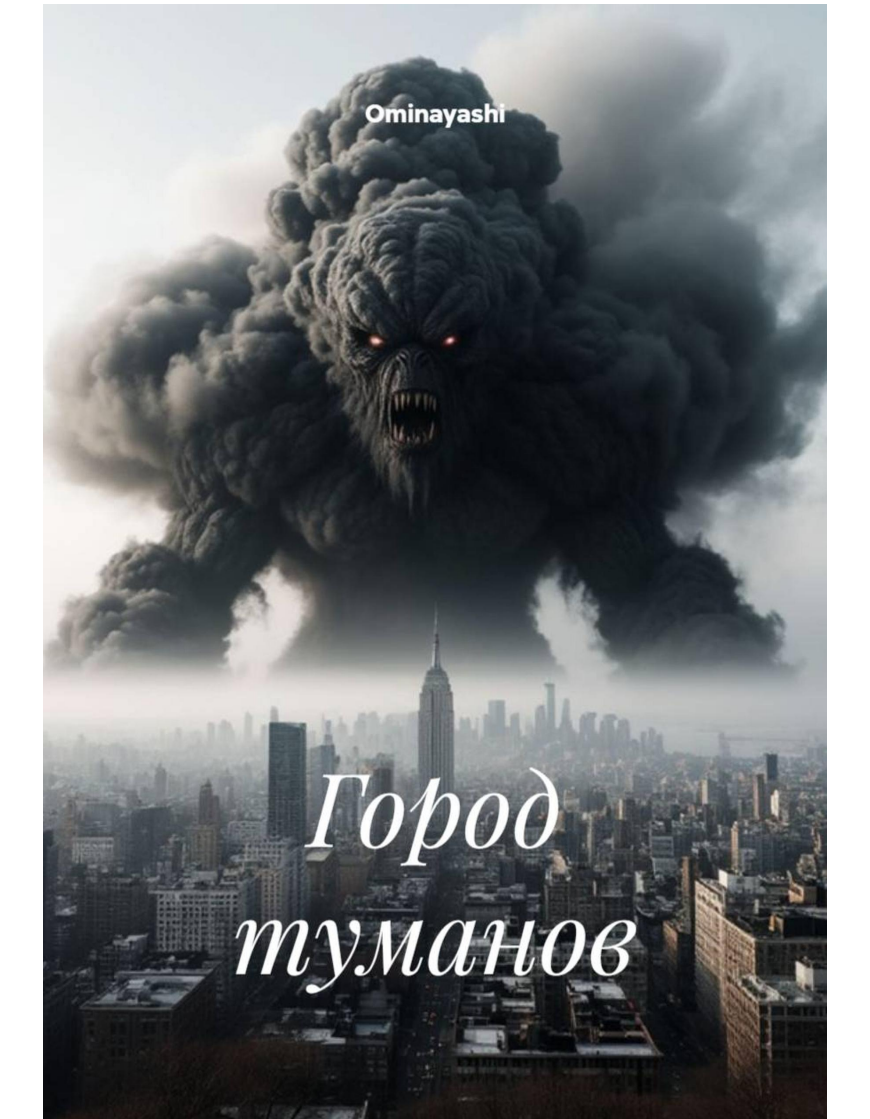

Ominayashi

*Город
туманов*

Ominayashi Ominayashi

Город туманов

<https://litres.ru/74549222>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Город Туманов» — философская фэнтези-повесть о силе любви и сострадания в мире, где туман управляет временем и чувствами.

В загадочном городе, окутанном вечной дымкой, встречаются двое: Эмили, способная видеть тепло живых существ, и Джон, умеющий слышать чувства неодушевлённых предметов. Их попытка найти друг друга сталкивается с сопротивлением Шу — сущности, управляющей туманом и замораживающей человеческие эмоции.

Помогая друг другу, Эмили и Джон раскрывают тайну города: туман не просто природное явление, а воплощение одиночества и страха. Объединив свои дары, они не побеждают Шу силой, а пробуждают в нём способность чувствовать через сострадание.

Ominayashi

Город туманов

Город Туманов

Глава первая. В которой Эмили обнаруживает, что туман умеет думать

Утро в городе Туманов — это не утро, а скорее осторожное предложение: а что, если уже пора просыпаться? Солнце не появляется, оно только намекает на себя, расползаясь по небу бледным молочным светом, словно кто-то размешал в воздушном кувшине ложку сметаны и забыл её там. Туман в этот час бывает особенно нежен — он не душит, не давит, а как бы укутывает, шепчет: «Ну куда ты собрался? Полежи ещё. Куда спешить, если всё равно ничего не видно?»

Эмили не слушала туман. Она вообще давно перестала его слушать, хотя это было нелегко — туман здесь умел говорить, и говорил со всеми.

Она стояла у окна своей мансарды на улице Ткачей, в доме, который по странной привычке местного зодчего был построен чуть вкривь, будто дом задумался о чём-то посреди стройки и так и застыл в этой позе. Окно мансарды выходило на крыши соседних домов, но сейчас за стеклом не было видно ровным счётом ничего — только молочно-серая пелена, в которой тонули контуры труб, черепичных гребней и

развешенного на верёвках белья. Впрочем, бельё в Городе Туманов высыхало примерно к никогда, и хозяйки давно перестали по этому поводу расстраиваться.

Эмили была высокой девушкой с тёмными волосами, которые она носила собранными в небрежный узел на затылке — не из элегантности, а из нежелания бороться с непослушными прядями. У неё были серые глаза — того самого оттенка, какой бывает у тумана на рассвете, если смотреть на него долго и без раздражения. Маленький шрам на левом запястье — след детской ссоры с кухонным ножом — и привычка разговаривать сама с собой, когда думала.

— Так, — сказала она стеклу. — Сегодня я его увижу. Точно увижу.

«Его» звали Джон. Он жил на другом конце города, на улице Фонарщиков, в доме, который стоял прямо, но слегка покосился в сторону — будто кланялся прохожим. Эмили знала это, потому что три дня назад, в единственный за полмесяца просвет в тумане, она видела Джона через площадь — он шёл мимо колодца с ведром воды, и ведро качалось в такт его шагам, и брызги из него летели в туман и повисали в воздухе, как стеклянные бусины.

Три дня. Она думала о нём три дня. Это было странно и немного стыдно, потому что Эмили была девушкой практичной и не склонной к романтическим увлечениям на расстоянии. Но что-то в том, как он шёл — спокойно, уверенно, не торопясь, будто туман был не преградой, а его собствен-

ным продолжением, — зацепило её каким-то очень глубоким крючком, который она не могла вытащить.

А потом туман снова сгустился, и Джон исчез.

Это вообще была особенность Города Туманов: туман здесь не просто скрывал — он разделял. Два человека могли жить на соседних улицах и не видеться месяцами. Могли идти в одну сторону и не встретиться, потому что туман переставлял улицы, как карточный шулер — карты. Могли стоять рядом и не знать об этом, потому что туман забирал звуки и подменял их своими — шёпотом, бульканьем, далёким звоном, который вроде бы был колокольчиком, а вроде бы — ничем.

Говорили, что туман не сам по себе. Говорили — шёпотом, потому что туман умел слушать, — что за ним стоит кто-то. Кто-то по имени Шу.

Эмили не верила в Шу. Она вообще не очень верила в то, чего не могла увидеть, а увидеть в этом городе удавалось немного. Но она чувствовала туман — не как погоду, а как присутствие. Как будто кто-то очень большой и очень терпеливый стоит за стеной молочной пелены и смотрит. Не злобно, нет. Просто смотрит. И не хочет, чтобы кто-то к кому-то дошёл.

Она отошла от окна, села на кровать, закрыла глаза и сделала то, что умела делать лучше всего на свете.

Эмили умела видеть тепло.

Не в том смысле, в каком это звучит, — не инфракрасное

зрение, не магия огня, не что-то из книжек про рыцарей и драконов. Нет. Она просто умела ощущать тепло живых существ сквозь любые преграды — сквозь стены, сквозь туман, сквозь землю. Как будто внутри неё был маленький, тёплый, живой компас, и стрелка его поворачивалась в сторону чужого тепла.

Обычно в тумане всё теплое казалось далёким и приглушённым, словно кто-то накрыл город толстым одеялом. Но сейчас, сосредоточившись, Эмили ощутила — далеко, на другом конце города, — ровное, спокойное, уверенное тепло. Джон. Она была уверена. Джон был тёплым, как остывающий хлеб, и это было так приятно, что она почти физически почувствовала, как улыбается.

— Вот ты где, — прошептала она.

И в этот момент туман за окном дрогнул, словно кто-то услышал.

Глава вторая. В которой Джон ведёт разговор с камнем и получает неожиданный ответ

Джон сидел в своей комнате на улице Фонарщиков и разговаривал с камнем.

Камень был обычный — серый, круглый, с белой прожилкой кварца. Джон нашёл его на берегу реки Мглы, которая текла через весь город и была, по всеобщему мнению, самой туманной рекой в мире: она не столько текла, сколько клубилась, и рыбаки вытаскивали из неё не рыбу, а клочья ту-

мана, похожие на мокрую вату.

Камень лежал на столе, и Джон положил на него ладонь.

Джон умел чувствовать, что чувствуют предметы. Не живые существа — нет, с людьми было сложнее, их чувства были слишком быстрыми, слишком путанными, слишком похожими на туман. А вот предметы — те говорили с ним охотно. Камень, если его коснуться, мог рассказать, как лежал в земле три тысячи лет и что думал об этом. Дверь могла рассказать, сколько раз открывалась и закрывалась, и была ли счастлива. Стена помнила все руки, которые к ней прикасались.

Это была не магия в привычном смысле. Джон сам не знал, как это назвать. Он просто чувствовал, что у всего на свете есть тихая, незаметная жизнь, и если быть достаточно спокойным и достаточно терпеливым, эта жизнь начинала говорить.

Сейчас камень молчал. Это было тревожно, потому что камни вообще молчат редко — они лучшие рассказчики в мире, потому что им некуда спешить.

— Эй, — сказал Джон камню. — Что-то не так?

Камень шевельнулся под его ладонью. Не физически — он оставался лежать неподвижно, — но Джон почувствовал, как внутри камня что-то сдвинулось. Как будто камень повернул к нему свою внутреннюю сторону и сказал: «Мне холодно. Туман забирает тепло. Туман забирает всё. Скоро я забуду, что я — камень. Скоро я стану туманом.»

Джон убрал руку. Посмотрел на камень. Посмотрел на окно, за которым стояла непроницаемая серая стена.

Туман в последние дни стал гуще. Не просто гуще — агрессивнее, что ли. Он влезал в дома, забирался под двери, просачивался сквозь щели, оседал на вещах мелкой влагой. Кот Вениамин, который жил у Джона уже пять лет и считал себя полноправным хозяином квартиры, отказывался выходить из-под печи и шипел на туман, как на врага.

Джон подумал о девочке, которую видел три дня назад. Не «девочке» — она была взрослой, высокой, с серьёзными глазами. Она стояла на углу площади и смотрела в его сторону, и в короткий просвет тумана их взгляды встретились, и Джон почувствовал — не ушами, не глазами, а чем-то более глубоким, — что она его видит. Не просто видит, а *замечает*. А это в Городе Туманов было редкостью, потому что туман усыплял внимание, убаюкивал любопытство, превращал людей в тех, кто идёт по улице, не глядя по сторонам, потому что по сторонам всё равно ничего нет.

Он хотел подойти к ней. Он даже сделал шаг. Но туман сомкнулся, и площадь исчезла, и остался только шёпот — или шорох, или звон, — и Джон обнаружил, что стоит посреди совершенно незнакомой улицы, и ведро в его руке наполовину пусто, и вода в нём тёплая и почему-то пахнет дымом.

Три дня он пытался найти ту площадь. Ходил по городу, трогал стены, спрашивал у камней и дверей: где девочка с серыми глазами? Стены молчали или врали. Двери открыва-

лись не туда. Камни рассказывали о чём угодно — о древних морях, о вулканах, о времени, когда ещё не было людей, — но не о девочке.

А теперь камень сказал, что ему холодно. И что туман забирает тепло. И что скоро он забудет, кто он.

Джон встал, подошёл к окну, прижал ладонь к стеклу.

Стекло было ледяным. И оно сказала — едва слышно, словно извиняясь: «За тобой кто-то ищет. Далеко. Я чувствую. Но туман не пускает. Туман говорит, что вы не должны встретиться.»

— Кто это — «вы»? — спросил Джон.

Стекло не ответило. Оно уже сказала больше, чем должно было, и теперь смущённо замолчало, как человек, который сболтнул лишнего за ужином.

Джон стоял у окна и чувствовал, как где-то далеко, на другом конце города, кто-то тёплый и настойчивый ищет его. И он знал — не знал, а именно чувствовал, — что туман между ними не просто стоит. Он *работает*. Кто-то или что-то управляет им, как кукловод управляет марионеткой, натягивая и отпуская нити.

Джон подумал: «Если туман хочет, чтобы мы не встретились, значит, встретиться нам очень нужно.»

И в этот момент туман за окном вздрогнул, как человек, которого застали врасплох.

Глава третья. В которой появляются Тос и Ка, а за-

одно выясняется, что пакость — это искусство

Тос и Ка были троллями. Не большими, не страшными, не тех троллей, что живут под мостами и требуют пошлину. Нет, Тос и Ка были мелкими троллями — ростом по колено взрослому человеку, с лицами, похожими на мятые пирожки, и характером, который у нормальных людей встречается только при тяжёлом похмелье.

Тос был тощим, нервным и вечно голодным. Он носил на голове кастрюлю — не для защиты, а потому что в ней можно было носить всякую мелочь: гвозди, пуговицы, дохлых жуков, чьи-то чужие воспоминания (он собирал их на улице — в Городе Туманов воспоминания иногда выпадали из голов и лежали в канавах, как мокрые листья).

Ка был толстым, флегматичным и носил на голове блюдо. Почему блюдо — он и сам не помнил, но подозревал, что когда-то оно было чем-то вроде трофея. Ка считал себя интеллектуалом, потому что умел читать — медленно, по слогам, с ошибками, но всё же.

Оба они служили Шу.

«Служили» — это, пожалуй, слишком сильно сказано. Скорее, они при нем состояли. Шу не давал им приказов — он давал им настроение. Каждый раз, когда Шу хотел, чтобы в городе стало чуть хуже, он посылал волну — не звука, не света, а ощущения: тоскливого, липкого, как паутина, — и Тос с Ка просыпались и шли творить пакости.

Пакости у них были мелкие, но въедливые. Тос любил

подменять запахи: хлеб в пекарне начинал пахнуть старыми носками, а розы в единственном саду на улице Садовников — кислой капустой. Ка предпочитал звуковые проказы: он умел подменять голоса — жена звала мужа, но муж слышал не её голос, а чужой, и шёл не туда, и находил не то. Дети звали матерей, и матери оборачивались на незнакомый голос, и не находили своих детей.

Мелко? Да. Но эффективно. Город, и так погружённый в туман, становился ещё более одиноким: люди переставали доверять своим ушам и носам, а когда туман забирал ещё и зрение, оставалось только сидеть дома и ждать.

Сейчас Тос и Ка сидели на парапете моста через реку Мглу и смотрели, как туман ползёт по воде, обнимая её, как давний любовник.

— Слышал? — спросил Тос, нервно поправляя кастрюлю.
— Шу-то наш проснулся. Чувствуешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.